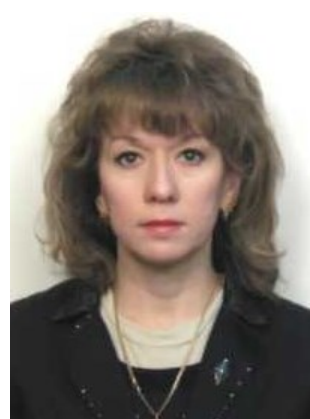


УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2020.3.2



**ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

**ONLINE EDUCATION
IN HIGHER SCHOOL IN RUSSIA:
MAIN ACTORS
OF INSTITUTIONALIZATION
AND SOCIAL
CONSEQUENCES**

Васьков Максим Александрович

Доктор социологических наук, профессор,
кафедра образования и педагогических наук,
Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: vaskovmaxsim@mail.ru

Maxim A. Vaskov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Department of Education and Pedagogical
Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: vaskovmaxsim@mail.ru

Ковалев Виталий Владимирович

Доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: vitkovalev71@gmail.com

Vitaliy V. Kovalev

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: vitkovalev71@gmail.com

Гафиатулина Наталья Халиловна

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: gafiatulina@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Region Sociology
and Modeling of Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: gafiatulina@yandex.ru

В данной статье раскрываются два основных аспекта. Во-первых, дается характеристика мотивов содействия или противодействия планам введения онлайн-образования в высшую школу России со стороны основных акторов, действующих в системе высшего профессионального образования. Во-вторых, высказываются предположения о социальных последствиях институционализации онлайн-образования в учебные планы российских университетов. Авторы обосновывают гипотезу, что онлайн-образование приведет к полному исчезновению социальной среды, в рамках которой обеспечивается высокое качество предоставления образовательных услуг. Следствием этого станет существенное снижение интеллектуального, творческого и духовного развития студентов.

Ключевые слова: онлайн-образование; электронное образование; MOOK; качество образования; высшее образование; аудиторно-контактная работа.

This article covers two main aspects. Firstly, it describes the motives of the main actors in the system of higher professional education for promoting or opposing plans to introduce online education to higher education in Russia. Secondly, there are suggestions about the social consequences of the institutionalization of online education in the curricula of Russian universities. The authors substantiate the hypothesis that online education will lead to the complete disappearance of the social environment, where high quality educational services are provided. This will result in a significant decrease in the intellectual, creative and spiritual development of students.

Keywords: online education; e-education; MOOC; quality of education; higher education; classroom and contact work.

Введение

Дискурс вокруг онлайн-образования в основном выстраивается вокруг устойчивых и давно сложившихся в науке тематических спектров, основной из которых вбирает в себя комплексы суждений о его достоинствах и недостатках. При этом до недавнего времени большая часть работ на эту тему писалась сторонниками онлайн-образования. Цель их была проста и очевидна: убедить всех сопричастных к образовательной системе акторов в наличии у нее большого потенциала для успешной организации подготовки специалистов для самых разных сегментов рынка труда. Сторонники цифровизации понимают, что получили уникальный шанс, который в будущем может представиться ещё не скоро, так как общество пока не готово резко отказаться от принципов классического образования. Между тем ни сторонниками, ни противниками онлайн-образования практически не принимается во внимание такой важный сюжет, как общественные последствия его институционализации в российском образовательном пространстве. В предлагаемой работе мы определяем цель – выявить социальные риски, проистекающие от введения онлайн-образования в учебную деятельность высшей школы.

Апологеты и противники онлайн-образования

Прежде всего, несколько слов о том, что мы будем понимать под онлайн-образованием. Сейчас существуют три основные образовательные модели, которые принято отождествлять с онлайн-обучением. Первая – массовые открытые онлайн-курсы (МООК), мировым флагманом которых является Coursera. Её обозначим как неаудиторную и неконтрактную. Вторая модель процессуально реализуется в форме обучения в аудиториях региональных университетов на основе закупленных у ведущих вузов учебных курсов на электронных носителях. Она может быть представлена в качестве аудиторной и неконтрактной. И, наконец, третья модель реализуется в классических университетах на платформах Zoom или Teams, как вынужденная мера в связи с необходимостью соблюдать социальное дистанцирование. Это неаудиторно-контрактная форма обучения. По сути, онлайн-образованием может быть названа только последняя. Первые две представляют собой отдельные разновидности электронного обучения.

На международном уровне сторонниками электронного обучения (первая и вторая модели) выступают правительства крупных государств, заинтересованные в новых способах реализации так называемой мягкой силы в геополитических отношениях. Не секрет, что платформа Coursera активно финансируется Государственным департаментом США. Ее использование позволяет интегрироваться в образовательное пространство любой страны, не имеющей потенциала, хотя бы близко сопоставимого с тем, которым обладают американские университеты. Для характеристики этого процесса вполне обоснованным видится введение нового термина – «образовательный империализм». Благодаря его применению к оценке ситуации в рамках глобализирующегося мира можно увидеть, что онлайн-образование превращается в инструмент для постепенного разрушения национальных образовательных систем.

В результате у наиболее сильных игроков на рынке образовательных услуг появляется возможность переформатировать сознание обучающейся молодежи под запросы тех стран, которые создают виртуальные площадки на ресурсах МООК или меняют образовательные технологии в классических университетах с аудиторно-контрактной работы (классическая форма обучения) на закупленные у ведущих вузов мира электронные образовательные пакеты (совместный просмотр видеолекций, работа в компьютерных классах по разработанным программам).

Эта же логика образовательного империализма инициирует попытки продвижения электронных форм обучения из столицы в регионы. В нашей стране безусловным лидером таких инициатив выступает НИУ ВШЭ, ректор которого Я.И. Кузьминов неоднократно в публичной форме заявлял о готовности снабдить все региональные вузы пакетами для электронного обучения (Черных, 2018. С. 5). Для него это способ экспансии в регионы с целью вытеснения с рынка образовательных услуг региональной образовательной элиты. Политика циничная, но честная, так как реализуется с чувством абсолютной уверенности в собственном интеллектуальном превосходстве.

Таким образом, мы видим, что электронное обучение выступает инструментом войны за студентов в глобальном пространстве рынка образовательных услуг. При этом показательно, что само онлайн-образование как форма контактного образования, реализуемого сейчас на платформах Zoom или Teams, на самом деле никого из названных акторов не интересует. Это достаточно затратный и сложный вид обучения. А то, что он предполагает наличие контактного взаимодействия, априори не способствует его применению в глобальном масштабе, только как частное дополнение к электронному или аудиторно-контактному обучению.

Практически невозможным представляется сейчас определить позицию российского правительства по поводу электронного обучения и онлайн-образования. Едва ли в верхних эшелонах власти есть единое мнение по этому вопросу. Возможно, какие-то планы, например, в форме скандальных инициатив Грефа действительно существовали. Об этом, в частности, говорили Никита Михалков в своей запрещенной к повторному показу передаче «У кого в кармане государство» или Катя Гордон в ролике, ставшем популярным в WhatsApp. Но 21 мая 2020 г. последовало опровержение со стороны президента, который открестился от планов замены «очного образования дистанционным» (Анисимова, 2020).

Безусловными сторонниками электронного обучения (называя его модным словом «онлайн») (Лубский, 2020) выступают профессионально заинтересованные в нём акторы. Это директора различных агентств по обучению и переобучению, сотрудники платформ с размещенными на них MOOK и т. п. (Евграфова, 2020). Переформатирование процесса передачи информации от человека к ИКТ даст грандиозные импульсы их деятельности. Резко увеличится востребованность этих игроков на рынке образовательных услуг, прогнозируемо произойдет рост доходов и престижности. Если сейчас MOOK и все свя-

занные с ними агентства и дирекции работают в режиме обеспечения дополнительного образования, то в будущем они претендуют на то, чтобы стать основным звеном для организации работы всего высшего профессионального образования. Мотивация у этих структур запретельная, и они оказывают мощное лоббистское давление на правительство, подкупая его снижением бремени бюджетных расходов.

Что бы ни говорилось о планах правительств США или России, мировых заговорах по чипированию, аппетитах некоторых столичных вузов, растущих на ожидании расширить виртуальные студенческие аудитории за счет применения электронного контента, главными в системе образования всегда были и должны таковыми оставаться в будущем преподаватели и студенты.

Фундаментальных исследований ещё не проводилось. То, что есть, едва ли релевантно. Но за отсутствием иного будем ссылаться на имеющиеся данные. Согласно опросу, проведенному Д. Рогозиным, 67 % преподавателей испытывают неудобства при работе в режиме онлайн, а 87 % категорично выступили за возвращение очного обучения после окончания карантина (Волков, 2020).

Эти цифры по меньшей мере говорят о том, что подавляющее большинство преподавателей против режима онлайн. Данные получены на основе оценочных суждений, выведенных из опыта работы преподавателей в режиме контактного онлайн-образования с применением ИКТ Zoom или Teams. Тем не менее какая-то часть, а в общем массиве наших коллег немалая, онлайн-формат приняла как приемлемый для себя. По нашему мнению, этой группе могут быть свойственны следующие особенности. Прежде всего, это преподаватели-домоседы. Работа через телекоммуникационные сети им удобна, так как дает возможность при исполнении должностных обязанностей тратить минимум усилий по перемещению в пространстве. Сюда также следует отнести преподавателей, которые и в традиционной аудиторно-контактной форме старались избегать длительного контакта со студентами: прятались за ноутбуком, бесконечными презентациями, лекциями-монологами и т. п. Выход из аудитории стал для них решением психологических и интеллектуальных проблем. Наверняка определенная ниша сторонников онлайн-образования заполняется и просто равнодушными, которые относятся к студентам как статистическим единицам, наполняемым полезной информацией. Как она будет восприниматься, их не беспокоит, поскольку они убеждены, что в функции педагога входит оценка конечного итога усвоения учебного материала, а не корректировка его процесса. Во многом они сами являются маши-

ной по трансляции информации, потому и не протестуют против машинного способа работы. В их представлении онлайн – идеальный формат, освобождающий от докучливой любознательности учеников или необходимости через глаза студентов наблюдать свою профессиональную несостоятельность.

Несколько иная логика оценки должна быть применена к пониманию того, кто из преподавателей заинтересован в поддержке MOOK и аудиторного обучения на основе разработанных пакетов учебных курсов, т. е. электронного обучения.

MOOK – это прямой конкурент университетов. Их апологеты намерены добиться возможности выдавать дипломы, имеющие статус государственных, чтобы они были основанием для соответствующей профессиональной деятельности. Активность таких структур поддерживает не преподавательский корпус, а его сотрудники, включая бывших слушателей. Трудно представить, чтобы преподаватели позитивно относились к стратегическим планам компаний вроде Coursera.

Что касается применения электронных пакетов в стенах вузовских аудиторий, то в них прямо заинтересованы несколько столичных вузов, в первую очередь флагман цифровизации образовательных услуг НИУ ВШЭ. В значительной степени там уже созданы собственные электронные платформы, использование которых даст коммерческий результат только после соответствующей поддержки правительства в обязательном обучении региональных студентов в электронном формате. Достижение данной цели уже много лет лоббируется поборниками образовательного империализма.

Совершенно очевидно, что в регионах такие практики не только не поддерживаются, с ними, напротив, связаны актуализированные страхи и даже панические ожидания массовых увольнений.

Таким образом, можно заметить, что любые разговоры о поддержке преподавателями онлайн-образования не имеют под собой никаких оснований, если ими не руководят личные мотивы, непосредственно не связанные с качеством образовательного процесса.

Кто уйдет и что останется в образовании после введения режима онлайн?

Нами движет убежденность, что распространенный сейчас повсеместно в мире формат контактного онлайн-образования (работа на Teams, Zoom и аналогичных им платформах) будущего не имеет. Он просто никому не нужен, кроме небольшого количества домоседов из числа преподавателей и студентов. Максимум он может использовать-

ся как дополнительная технология на площадках MOOK или к цифровым образовательным пакетам в региональных вузах. По завершении пандемии вузы или переориентируют на всем привычную аудиторно-контактную работу, или начнут переводить на две обозначенные выше модели электронного обучения.

MOOK и образовательный процесс с применением учебных курсов на электронных носителях имеют своих адептов. В первом случае – это международное коммерческое лобби, действующее в глобальном масштабе, во втором – некоторые столичные вузы, нацеленные на ликвидацию региональной образовательной элиты. Контуры будущей образовательной системы будут зависеть от того, какая позиция возобладает. Но социальные последствия окажутся одинаковыми. Речь идет о ликвидации социальности. Именно в том качестве, в котором оно всегда понималось в социологической классике, – как продукт конвенционального взаимодействия, возможный при наличии диалога между акторами. Электронное обучение потому так и называется, что в нём отсутствует человек как носитель устойчивого социального опыта. Такой подход, хотя и в ущербной форме, в принципе возможен, если перед образованием ставится цель – обеспечить обучающимся овладение профессиональными навыками. Однако при подобном понимании его целей происходит резкий разрыв с традиционным отношением общества к образованию, когда оно рассматривается в качестве социального института, осуществляющего культурную миссию, содержательное наполнение которой зависит от потребностей конкретного социума. Электронный же порядок обучения сужает потребности социума до овладения профессиональными навыками. Если это всё, что нужно от образования, тогда подавляющему большинству профессий с известной потерей качества можно обучать на площадках MOOK.

Прежде всего, это станет возможным, если общество (правительство) убедят в том, что достойных преподавателей для обеспечения качественного аудиторно-контактного образования на всех студентов не хватит. И тогда можно ожидать принятие решения о разработке наиболее талантливыми специалистами электронных пакетов образовательных программ. Пока, на данном этапе, прежняя система образования существует на основе коллективного согласия, основанного на убежденности в преимуществах аудиторно-контактной работы перед электронным обучением. Но что лучше: плохой аудиторно-контактный урок или хороший электронный? В большинстве случаев студенты, нацеленные на приобретение профессиональных навыков, сделают выбор в пользу второго. Но тогда MOOK представляют собой вызов

традиционному образованию. Если преподаватель не хочет, чтобы его заменили машиной, он должен стать, как профессионал, лучше машины. Пока в этом есть сомнения, особенно в контексте кризиса современного образования. Средний уровень преподавателей с начала 90-х гг. неуклонно снижался, и у определенной части общества возникли сомнения не только в способности системы обеспечить развитие личности обучающегося, но и в элементарном умении преподавательского корпуса транслировать необходимые знания для овладения профессиональными навыками (Kolesnikova, 2019). Чтобы повысить уровень доверия, нужно отказаться от чтения лекций и перейти к их интерактивному обсуждению, научиться строить диалог со студентами, проводить занятия в форме дебатов, защиты проектов, научных диспутов. А также приглашать на занятия известных практиков, в том числе обеспечивая им доступ в учебные аудитории в режиме онлайн. Преподавателю необходимо ежедневно обновлять свой багаж знаний. Сейчас мы стоим на пороге утраты институтом образования доверия к нему со стороны социума. Если не оставить прогрессирующее ухудшение качества, социальный контракт, основанный на вере студента и его родителей в способность преподавателя давать социально полезную информацию, может быть расторгнут, и общество повернется в сторону электронного обучения.

Предположим, что преодоление кризиса в системе образования пошло не по пути совершенствования методики преподавания и более тщательного отбора кадров, а замены преподавательского корпуса электронным обучением. Тогда мы получаем ряд последствий необратимого характера.

Прежде всего, пойдут массовые увольнения среди преподавателей. А это, по статистике, 231 тыс. сотрудников (Вислогузов, 2016. С. 2), не считая ещё миллион рабочих мест вспомогательного персонала. Если внедрение электронных форм обучения – всего лишь частный случай цифровизации экономики, то идти этим людям будет некуда, поскольку рынок труда станет неуклонно сужаться. Очевидно, часть займется репетиторством, поскольку электронное обучение покажет свою несостоятельность, но основная масса нигде не сможет трудоустроиться. В итоге в недалеком будущем российское правительство обнаружит в Интернете десятки тысяч оппозиционно настроенных пользователей, занимающих агрессивную антиправительственную позицию. С учетом того, что большинство из них обладают высокоразвитым интеллектом, критика режима приведет к резкому снижению и без того невысокой легитимности российской власти.

Современные университеты либо исчезнут, будучи замененными MOOK, либо станут виртуальным аналогом классического вуза, работая по закупленным образовательным пакетам у тех, кто по закону приобретет право торговать ими на рынке образовательных услуг. Количество сотрудников в структуре MOOK или виртуальных университетах окажется минимальным, сообразно существующим потребностям. Потребности будут заключаться в оказании консультативных услуг или обновлении действующего на электронных носителях учебного материала. Однако в такой модели скрыты факторы её девальвации, о которых апологеты электронного обучения стараются умалчивать или просто не понимают масштаба проблемы, будучи менеджерами и технократами, торговцами информации, но не её творцами.

В условиях электронного обучения начнется стремительная деградация преподавателей как социально-профессиональной группы. Надо понимать, что сегодняшние так называемые онлайн-курсы, т. е. образовательный контент, упакованный в электронный ресурс, создаются преподавателями на основе опыта работы в аудитории. Даже месяц его отсутствия ведет к временной депрофессионализации (Касьянов, 2020). А как быть, если этого опыта не будет годами? Кто станет разрабатывать новые учебные курсы? Деклассированный преподаватель, не имеющий никаких социальных связей, работающий вне социальной среды, способен выполнять функцию критического контроля? Как понять технократу, размещающему новый курс в электронном пространстве, соответствует ли он качественному стандарту, если его просто некому оценить и негде проверить? И, интересно, понимают ли сторонники электронного обучения, что источником создания информации, в том числе для машины, всегда выступает человек. Если резко сократить количество людей, создающих информацию, то машину окажется нечем заправлять. Современные ИКТ всего лишь выполняют функцию передачи информации, а создается она в определенной социальной среде, которой на площадках MOOK или в виртуальных университетах уже не будет. Ликвидация этой среды со временем приведет к информационному оскудению электронных образовательных каналов. Сейчас академическая среда сознательно разрушается инициаторами менеджеристской идеологии. Но в виртуальных университетах или на площадках MOOK она окончательно исчезнет, и каждый обучающийся и сотрудник получат ничем не верифицированные критерии собственной гениальности.

В этом месте статьи уместнее всего сказать о разрушении другой социальной среды – студенчества.

Сейчас студенты учатся под контролем преподавателей. Большая их часть не имеет ни ясно осознаваемых мотивов в отношении учебы, ни четкого понимания, по какой профессии они будут работать, ни желания где-либо трудиться. Таково уж наше общество, и нам остается лишь принимать его в том виде, как оно есть. В этих условиях на преподавателя возлагаются функции внешнего мотиватора, контрольно-надзорной инстанции, карательного органа и инструмента воспитания. Столь широкий функциональный спектр обусловлен тем, что в нынешнем виде образование представляет собой институт социализации, воспроизводства желаемых для социума форм социальности. И осуществляется это не только в аудиторной среде, хотя она и должна занимать приоритетное место, но также через различные социальные интеракции, которые заполняют жизненный мир современного студенчества. Это спортивные турниры, художественная самодеятельность, конкурсы, смотры, дебатные клубы и т. п. Можно ли это сохранить в режиме электронного обучения? Чисто теоретически да. Но как это реализовать на практике, если они не знают друг друга, не имеют опыта взаимодействия в реальной жизни, проживают в разных городах, наконец? Студенты перестанут быть реальной группой, а значит, общение между ними станет только виртуальным, преимущественно через неформальные связи. Прописная истина, известная любому социологу, для сторонников электронного обучения, похоже, является тайной. А вернее всего, им безразлична деклассификация студенчества, так как, ещё раз напомним, адепты цифровизации образования располагаются за пределами университетской среды, и их на самом деле обучение интересует только как продукт, который можно конвертировать в личные доходы.

Что же они нам предлагают? Обучающийся становится проектировщиком собственного образования. Он выбирает учебные курсы, прослушивает их, выполняет контрольные задания. Идеальная модель для высокомотивированного интроверта, убежденного в собственной гениальности. Всё это частично оценивается машиной, частично консультантом. Там нет преподавателя, который ставит низкие оценки, да и вообще заставляет учиться. Можно учиться ровно столько, сколько тебе хочется, в удобном для себя темпе, без назойливого преподавательского контроля и его ежедневных оценок. Неудивительно, что на Coursera лекционные курсы дослушивают лишь 9 % обучающихся. И только 17 % обращаются к ним как источнику информации (Шабанов, 2017. С. 11–15). Очевидно, это те самые высокомотивированные интроверты, которые уже сейчас готовы быть архитекторами своего об-

разования. Наверное, образование в электронном формате можно сделать более качественным и решить часть уже сейчас проступивших проблем. Но поскольку действует оно на платной основе, обучающиеся все – коммерческие, процесс обучения скрыт от публичности, можно ли серьезно рассчитывать на то, что виртуальные университеты не превратятся в университеты имитационные? Ведь именно такой опыт на практике уже есть. Ряд вузов уже давно перешли на обучение с применением дистанционных технологий, отказавшись от услуг преподавателей. Их увольнение, как и снятие зданий с баланса, освобождение от услуг охраны, оплаты ЖКХ и т. п., позволило сэкономить множество расходных статей. Для функционирования такого вуза достаточно иметь интерактивный экран, позволяющий воспроизводить кем-то записанные лекции (обучающимся обязательно пообещают мировых светил), компьютерный класс, методиста и директора. Кулуарно нанимается (без оформления трудового договора) по одному преподавателю на направление, чтобы они за вознаграждение выполняли за студентов (с их согласия) контрольные работы и тесты. Такой вуз не представляет из себя какой-либо образовательной ценности, зато в состоянии пройти любые проверки по обеспечению качественного обучения. Новый формат открывает для них безграничные возможности. В конце концов, это всего лишь бизнес, а в нём эффективность измеряется не качеством, а объемом прибыли.

Заключение

Институционализация MOOK и виртуальных университетов в легальном пространстве высшего профессионального образования в виде своего главного последствия приведет не просто к снижению качества образовательного процесса, а к ликвидации социальной среды, которая была единственным источником этого качества. Итогом станет неизбежное истощение информационного потока, так как его некому будет наполнять. В российской традиции одной из функций образования являлось производство нового знания. Университетские преподаватели выступали не только его трансляторами в студенческих аудиториях, но и творцами информационного продукта инновационного типа. Через эту функцию обеспечивалось единство науки и образования, что позволяло подготавливать выпускников, способных и в профессиональной деятельности быть инициаторами инновационных преобразований. Классическое образование стимулировало творческую активность, высвобождало в учениках творческую энергию. Да, таких выпускников всегда было немного, но исчезновение социальных усло-

вий, в которых происходит их формирование, сделает подготовку креативных личностей в будущем практически невозможной. Поскольку прогресс не стоит на месте, в условиях глобализации, когда мир становится тесен и коммуникационные процессы ускоряются, очевиден спрос на личностей креативных. Они способны обеспечить диспозиционные преимущества для конкретной страны в борьбе за ресурсы, производстве высоких технологий, конкуренции в управлении массовым сознанием, повышении творческого потенциала науки, искусства, литературы и т. п. И это всего лишь вершина айсберга. Хорошо образованный человек способен на большее, чем тот, у кого есть лишь природная смекалка. Образование – это социальный капитал, который может поиздержаться, прийти в негодность, если его не накапливать и не развивать. Российским властям необходимо определиться на предмет собственных потребностей: им нужна цифровая экономика или экономика знаний? В первом случае происходит формирование высокотехнологичных потребителей, попадающих в зависимость от тех внешних источников, которые обеспечивают их технологиями. Можно сколько угодно носиться с идеей цифровизации экономики, однако рост образовательного потенциала обеспечивается через интеракции в средовом социальном пространстве. Её ликвидация снизит ресурсные возможности любого общества. Перевод образования на дистанционные технологии, исключение из образовательных практик социального компонента как главного, основного, созидającego, приведет к деформации социума, а в перспективе подорвет конкурентные позиции российского общества в глобализирующемся мире.

Литература

Анисимова Н. Путин назвал вбросами сообщения про переход на дистанционное образование. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/21/05/2020/5ec6678a9a7947b2fc37dddb>.

Вислогузов В. Росстат пересчитал учителей и врачей // Коммерсантъ. 2016. № 90.

Волков В. Будет конфликт всех со всеми: парадокс дистанционного образования // Деловой Петербург. 2020. 18 мая.

Евграфова Т. Вузы после пандемии: будущее онлайн-образования. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2020/05/13/Vuzi_posle_pandemii_budu.

References

Anisimova, N. Putin called messages about the transition to distance education “fake”. Available at: <https://www.rbc.ru/society/21/05/2020/5ec6678a9a7947b2fc37dddb>. (in Russian).

Visloguzov, V. (2016). Rosstat counted teachers and doctors. *Kommersant*, 90. (in Russian).

Volkov, V. (2020). There will be a conflict of everyone with everyone: the paradox of distance education. *Delovoy Peterburg*, May 18. (in Russian).

Evgrafova, T. Universities after the pandemic: the future of online education. Available at: https://www.dp.ru/a/2020/05/13/Vuzi_posle_pandemii_budu. (in Russian).

Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 51–63.

Лубский А.В., Ковалев В.В. От «онлайнизации» высшей школы к онлайн-образованию // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 33–50.

Черных А., Миронова К. Лекции переносят в онлайн-аудиторию // Коммерсантъ. 2018. № 179.

Шабанов Г.А. Педагогические проблемы обеспечения качества онлайн-образования // Высшее образование сегодня. 2017. № 5.

Kolesnikova G.I., Chikaeva K.S., Kasyanov V.V., et al. The state and trends of development of science and education in modern Russian society // Revista San Gregorio. 2019. № 30. P. 123–128.

Kasyanov, V.V., Gafiatulina, N.Kh., Samygin, S.I. (2020). Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation regime. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 2, 51-63. (in Russian).

Lubsky, A.V., Kovalev, V.V. (2020). From online higher school to online education. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 2, 33-50. (in Russian).

Chernykh, A., Mironova, K. (2018). Lectures are transferred to an online audience. *Kommersant*, 179. (in Russian).

Shabanov, G.A. (2017). Pedagogical problems of ensuring the quality of online education. *Vyssheye obrazovaniye segodnya*, 5. (in Russian).

Kolesnikova, G.I., Chikaeva, K.S., Kasyanov, V.V., et al. (2019). The state and trends of development of science and education in modern Russian society. *Revista San Gregorio*, 30, 123-128.

Поступила в редакцию

14 мая 2020 г.